

Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции

Казанцев Андрей Анатольевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Директор аналитического центра ИМИ
Доктор политических наук
andrka@mail.ru

Гусев Леонид Юрьевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Старший научный сотрудник аналитического центра ИМИ
Кандидат исторических наук
lgoussev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена тому, что для развития евразийской экономической интеграции очень важным является продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии. В связи с этим на целом ряде примеров демонстрируется, что в настоящее время именно мягкая сила играет большую роль в практике региональной политики великих держав. Авторы статьи отмечают, что сейчас в России создана и функционирует разветвленная система обеспечения многостороннего сотрудничества в социально-гуманитарной сфере. Ими проводится анализ направлений соответствующей работы, а также указываются недостатки, которые необходимо устранить для эффективного применения данного инструмента как в мире в целом, так и в Центральной Азии, в частности. В конце делаются выводы и даются практические рекомендации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«мягкая сила», Центральная Азия, евразийская интеграция, информационная работа

Kazantsev A. A., Gusev L. Yu.

Promotion of «Soft Power» of Russia in Central Asia as an Instrument of Development of the Eurasian Economic Integration

Kazantsev Andrey Anatolyevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Director of Analytical Center of Institute of International Studies
Doctor of Political Sciences
andrka@mail.ru

Gusev Leonid Yuryevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Senior Research Fellow of Analytical Center of Institute of International Studies
Phd in Historical Sciences
lgoussev@yandex.ru

ABSTRACT

The article says that it is very important to promote the «soft power» of Russia in Central Asia for the development of the Eurasian economic integration. In this regard, the authors demonstrate on some cases that at present soft power plays an important role in the practice of the regional policy of the great powers in the region. The article points out that now Russia has developed and practically controls an extensive system of soft power instruments guaranteeing multilateral cooperation in the social and humanitarian sphere. The authors analyze ap-

plication of soft power in specific areas and define the shortcomings of Russian soft power that must be addressed for the effective application of this instrument in the world in general and in Central Asia in particular. At the end, some practical conclusions and recommendations are made.

KEYWORDS

«soft power», Central Asia, the Eurasian integration, information work

Отмечая важность информационно-пропагандистской работы, необходимо указать на то, что в настоящее время в практике региональной политики основных великих держав во всем мире (США, Китай, ЕС как субъект единой внешней политики) большую роль играет так называемая «мягкая сила» (привлекательность государства) и различные ее производные («умная сила», «нормативная сила» и т. д.). Активно развивается также использование «мягкой силы» в практике международной деятельности Российского государства. По словам министра иностранных дел России Сергея Лаврова, «сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса „мягкой силы“ невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире»¹. Одним из авторов статьи (А. А. Казанцевым) в свое время был подготовлен доклад о потенциале и перспективах «мягкой силы» России [1], а затем эта тематика была развита в приложении к Центральной Азии². Данная работа представляет собой развитие ключевой темы этих публикаций — анализа перспектив применения «мягкой силы» России в Центральной Азии, однако теперь «мягкая сила» анализируется как инструмент продвижения евразийской интеграции.

В настоящее время в мире в целом и в Центральной Азии в частности за счет усилий западных СМИ формируется образ современной России как недемократического, коррумпированного и даже отсталого государства. Разумеется, рассчитывать на рост регионального влияния при таком имидже достаточно сложно. Одной из причин этого является то, что Москва сама уделяет довольно мало внимания вопросам создания позитивного образа страны за рубежом. Либо, если это делается, то чисто механически, путем распределения грантов организаций типа «Русский мир». Создается впечатление, что в России до сих пор отсутствует целостная, системная работа по построению положительного образа государства за рубежом (и прежде всего в таком сложном регионе, как Центральная Азия). А ведь если Россия не ассоциируется ни с какой положительной моделью развития в регионе, то и говорить о ее долгосрочном влиянии невозможно. При отсутствии эффективной модели развития, предлагаемой центральноазиатским элитам в рамках российского влияния, все успехи России, построенные только на материальных факторах (включающих экономическую помощь или военное присутствие), будут лишены легитимности, а, следовательно, будут недолговечными³. *Без существенной «мягкой силы» России будет лишен легитимности в регионе и проект евразийской экономической интеграции.*

Если мы посмотрим на мировые аналоги, то наиболее активно действуют в направлении создания своего позитивного имиджа за рубежом США. Там эта работа инкорпорирована в стратегию применения «мягкой силы» («soft power»), а в рамках работы администрации Обамы разработана даже новая концепция в этом направлении — «умная сила» («smart power»). Специфика последней заключается в том,

¹ Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». 13.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8129>

² «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: oprff.ru/files/soft_power_doklad.doc

³ Там же.

что дополнительно к нематериальным факторам «мягкой силы» используются материальные факторы в виде военной и экономической силы¹.

Даже в таком центральноазиатском государстве, как, например, имеющий серьезные свободные средства от торговли нефтью Казахстан, и то разработана достаточно эффективная модель создания позитивного образа за рубежом. Правда, эта модель значительно менее амбициозна, чем упоминавшаяся выше американская, она направлена, прежде всего, на создание положительного инвестиционного имиджа страны, привлечение туристов, защиту от обвинений в адрес политической системы государства в недостаточной демократичности. Для России, как великой мировой державы, претендующей на роль регионального гегемона на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности (например, в рамках концепции «привилегированной зоны интересов»), такая ограниченная модель формирования позитивного образа подходит лишь частично.

Ставя задачу создания позитивного образа современной России, нам следует помнить и учитывать опыт нашего прошлого. Аналогичные по сути и смыслу задачи решались нашими предшественниками и в имперский период существования Российского государства, и в советские годы. Начиная с Петра I, Россия строила имидж модернизационного государства. Сначала этот модернизационный образ государства, т. е. его направленность на реализацию лучших образцов мирового опыта (первоначально, голландского и английского, затем прусского и французского), распространялся внутри страны, а затем уже применялся на мировой арене².

Что касается советского прошлого, то нуждается в тщательном переосмыслении на новых, не тоталитарных началах тогдашний опыт того, как работала пропаганда в Центральной Азии, некоторые элементы которого до сих пор являются очень востребованными. Нужно помнить, что у Советского Союза было много искренних сторонников среди представителей элит Центральной Азии. Сначала они рекрутировались преимущественно из числа представителей местной интеллигенции, стоявших на национально-просвещенческой платформе (джадидов, младобухарцев, младохивинцев и т. п.). Это было наиболее прогрессивное крыло местных элит, концентрировавшееся преимущественно в сфере образования и — частично — государственной службы и боровшееся с религиозным традиционализмом. Оно было тесно связано с соответствующими крыльями прогрессивной интеллигенции российских татар (джадидов) и турок Османской империи (младотурок, а затем ататюркистов). Стоит вспомнить в этой связи о близости русского большевизма не только с центральноазиатским и татарским джадидизмом, но и с турецкими либерально-модернизационными движениями.

Ясно, что многое в советское время было построено на ложной идеологической основе и на тоталитарно-террористической практике. Но идеология — это только один из моментов, который активно и целенаправленно используется всеми великими державами в своей работе по продвижению влияния в мире. Стоит вспомнить, например, в этом контексте про Британскую империю с ее ярко выраженной модернизационно-либеральной идеологией. Идеология Российской империи, а затем СССР представляла собой другой, в первом случае более консервативный, а во втором случае — радикальный вариант модернизационной идеологии. Однако существенно, что никакой другой эффективной идеологии, поддерживающей распространение влияния державы в период после окончания Средних веков (т. е. в период модерна), кроме разных моделей модернизации, еще не придумано.

¹ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: opr.f.ru/files/soft_power_doklad.doc

² Там же.

Для того чтобы понять, какова может быть «мягкая сила» России в регионе Центральной Азии, необходимо проанализировать зарубежные примеры современно-го понимания и использования «мягкой силы».

Саму концепцию «мягкой силы» впервые выдвинули представители американской школы неолиберализма (Дж. Най [5]) в международных отношениях в их полемике с представителями школы неореализма (К. Уолтс). Представители неолиберализма полагали, что единственным способом решения международных проблем является материальная или «жесткая сила», включающая в себя набор экономических и военных инструментов. Однако возникающая при использовании инструментов такого рода проблема заключается в том, что они исчерпаемы. Любое государство всегда имеет ограниченное количество военных и экономических ресурсов. Кроме того, «нормальная» социально-экономическая деятельность при активном использовании этих ресурсов уменьшается и потому в долгосрочной перспективе замедляет социально-экономические возможности государства¹.

Уже во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. эта проблема в США стала обостряться. Именно тогда стало очевидным постепенное исчезновение относительного экономического доминирования Америки в капиталистическом мире. США все больше и больше сдавали позиции под давлением своих конкурентов из Японии и стран Западной Европы. Данная проблема еще больше обострилась в связи с острым глобальным нефтяным кризисом, который показал очень большую защищенность американской экономики. В связи с этим встал вопрос о том, что США в долгосрочной перспективе не смогут за счет своих экономических и военных ресурсов удерживать претензии на глобальное доминирование. Известные историки, размышлявшие над этой проблемой в 1970–1980-е гг., в ряде своих работ показали, что все мировые империи, применявшие инструменты «жесткой силы», столкнулись с серьезными ограничениями возможностей и, в конце концов, прекратили свое существование. На мировой арене ни одно государство не в состоянии поддерживать свое господство, опираясь на «исчерпаемую» грубую силу². В этой ситуации у ряда представителей американской теории неолиберализма, прежде всего у Дж. Наю [5], и появилась идея найти вечный источник могущества государства в мире.

Для сторонников неолиберализма военная и даже экономическая сила никогда не были ни единственно возможным, ни наиболее эффективным инструментом обеспечения безопасности государств. Классическая теория «мягкой силы» в этой связи не предполагает даже использования экономических инструментов. Согласно создателю соответствующей концепции Дж. Наю, «мягкая сила» государства зиждется на привлекательности его ценностей, культуры, политических и социальных программ [6]. «Мягкая сила» представляет собой противоположность «жесткой силы». Что же касается «жесткой силы», то она выступает как набор инструментов давления (военно-политических, экономических, дипломатических), которые заставляют другие страны действовать так, как нам надо. «Мягкая сила» имеет под собой поощрение чувства симпатии, позитивного примера и притягательности идеала. «Мягкая» и «жесткая сила», по Дж. Наю, находятся в связке друг с другом внутри экономической модели уменьшения издержек. Применение государством «жесткой силы» является более приемлемым для объектов его воздействия, когда у него имеется значительная «мягкая сила», а это, в свою очередь, приводит к снижению издержек [6].

После окончания «холодной войны», концепция «мягкой силы» нашла широкое применение в американской политике в период администрации Б. Клинтона. Затем,

¹ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: orpf.ru/files/soft_power_doklad.doc

² Там же.

во время нахождения у власти Дж. Буша-младшего, она на время утратила свою актуальность¹.

Серьезный и активный поиск новых аспектов использования «мягкой силы» начался в нулевых годах XXI в. Кроме того, с этого времени возник целый ряд ее производных концепций. В странах Европы стала распространяться концепция «нормативной силы». В последние годы Европейский союз официально позиционирует себя как структура, придерживающаяся норм международного права и распространяющая их по всему миру. В США после прихода к власти администрации Б. Обамы возникла и получила широкое применение на практике концепция «умной силы» («smart power»), которая была выдвинута тем же самым Дж. Наем. Она представляет собой эффективное сочетание экономических, военных и «мягко силовых» инструментов. Также в последние годы развивается концепция «сетевой силы», которая тесно связана с использованием технических и социальных сетей в эпоху глобализации и их ролью в революциях нового поколения [4].

Теперь рассмотрим ситуацию в нашей стране. Ряд аналитиков отмечают: «В настоящее время в России создана и функционирует разветвленная система обеспечения многостороннего сотрудничества в социально-гуманитарной сфере. В ее центре находится Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ и структура Россотрудничества. Фонд принимает участие в организации части списка приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, а также финансирует их. Совет по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ оказывает Фонду активную поддержку в его работе. Также осуществляются различные культурные, образовательные, научные, молодежные и иные проекты. Кроме того, в мае 2011 г. был создан Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом [3].

Теоретически в реализации российских интересов средствами общественной дипломатии задействовано около 5 тыс. официально зарегистрированных некоммерческих организаций с внешнеполитическими намерениями, в том числе 859 со статусом международных. Однако если сравнить эти организации и по количественным параметрам (их общее число, объемы бюджетов), и по реальной активности с другими крупными державами (США, государства ЕС, Япония и т. д.), то результаты будут отнюдь не в пользу России.

Серьезное усиление роли «мягкой силы» в политике Запада, увеличение роли морально-политической аргументации в американской и европейской риторике, давление на Россию в плане «конфликта ценностей» и практика революций «нового поколения» (например, «цветных революций» на постсоветском пространстве и «арабской весны») сделали востребованной проблематику повышения эффективности российской внешней политики за счет улучшения имиджа страны за рубежом, и прежде всего в ближнем зарубежье. Особенно актуальной стала эта проблема в связи с развитием евразийской интеграции, так как последняя очевидным образом связана с использованием инструментов «мягкой силы».

Однако надо четко понимать, что в этой сфере у Москвы пока еще есть ряд проблем, которые необходимо решить для эффективного применения данного инструмента как в мире в целом, так и в Центральной Азии, в частности. Во-первых, пока еще существует острый дефицит ряда ключевых элементов «мягкой силы», «то есть способности несиловым способом, без внешнего принуждения осуществлять влияние на других акторов системы международных отношений за счет привлекательности генерируемых идей и образов, аттрактивности модели социального и поли-

¹ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития, Москва, сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: opr.f.ru/files/soft_power_doklad.doc

тического развития, креативности элиты и т. д.» [2]. Один из ведущих российских экспертов назвал это «традиционной имиджевой немощью» [Там же]. Во-вторых, нет четкого системного определения стратегии развития России, что включает в себя и ее внешнюю политику. На практике, несмотря на наличие большого количества основополагающих стратегических документов, имеют место элементы простого реагирования на происходящие события, без долгосрочного определения линии поведения. Без этого невозможно развивать «мягкую силу». В-третьих, существует дефицит идей в плане поиска практических путей преодоления сложившихся негативных стереотипов по отношению к России. «Комплекс вопросов, связанный с развитием потенциала „мягкой силы“, только в последнее время оказался в фокусе внимания представителей отечественного экспертного сообщества. Специалисты продолжают дискутировать о том, возможно ли в принципе сознательно управлять потенциалом „мягкой силы“ и насколько эффективны построенные на ее применении инструменты влияния. Дискуссии на этот счет далеки от завершения» [2]. В-четвертых, ключевым практическим вопросом для развертывания «мягкой силы» остается проблема взаимодействия государства с НГО. Тем не менее, можно отметить, что Россия уже создала целое поколение новых НГО, продвигающих ее «мягкую силу» (примером может служить «Русский мир»). Есть и НГО предшествующего поколения, типа «Федерации мира и согласия» (бывший Фонд мира), развивающих соответствующие сферы деятельности. В-пятых, пока слабо разработаны механизмы частно-государственного партнерства, в том числе в плане работы государства с частными СМИ.

Однако все указанные выше проблемы могут быть преодолены в ходе реализации намеченного руководством страны курса на укрепление потенциала гражданского общества. В частности, как считает министр иностранных дел России Сергей Лавров, «укрепление институтов гражданского общества, государственная поддержка неправительственных организаций, заинтересованных в обеспечении российских внешнеполитических интересов, должны играть важную роль в том, чтобы Россия заняла достойное, принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира»¹.

Инициативы во внешней политике РФ должны быть адресованы широкому спектру акторов (включая НПО, международные и транснациональные организации). В них должна быть проявлена ориентация на многостороннее сотрудничество, а выдвигаемые идеи должны быть универсальны по своей сути, т. е. обращены к самой широкой международной аудитории [Там же]. Существующие благодаря серьезным цивилизационным противоречиям между западным и незападным миром (например, болезненная реакция центральноазиатских элит на риторику демократизации со стороны Запада без учета региональной культурно-исторической специфики и особенностей стоящих перед странами региона угроз) возможности дают Москве шанс в этом плане. Здесь может сыграть свою роль уникальное положение России между Востоком и Западом. Россия может найти и пропагандировать свои подходы в плане обеспечения эффективного и гармоничного взаимодействия между личностью и обществом, личностью и государством, группами большинства и меньшинства.

Разумеется, подобная стратегия «мягкой силы» не будет воспринята в мире в целом, и в Центральной Азии, в частности, если она не будет сопровождаться соответствующими политико-экономическими изменениями внутри самой нашей страны. Так, в мире распространено убеждение, что у Москвы слишком много проблем с обеспечением стандартов «человеческой безопасности» у себя дома, и потому бесперспективно пытаться разыгрывать эту карту на международной арене [2].

¹ Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». 13.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8129>

В целом, для развития «мягкой» и «умной силы» России необходимо на новых основаниях и в новых условиях использовать и развивать позитивный опыт прошлого, в частности, задействуя телеканалы («Содружество»), прессу, интернет и социальные сети. Оптимальным же решением видится создание координирующего органа на базе «Россотрудничества», способного на системной основе выстраивать пропагандистскую работу за рубежом в интересах формирования позитивного образа России. На постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности, есть очевидные ресурсы, которые мы используем в недостаточной мере: общая история и культура, русский язык, традиционные, многолетние, а то и многовековые экономические связи, межличностные и родственные контакты, элементы общего информационного и научного пространства. Кроме того, ближнее зарубежье (и Центральная Азия, в частности) — это один из важнейших приоритетов нашей внешней политики, в том числе в рамках процессов евразийской интеграции, и, соответственно, здесь надо максимально использовать все доступные инструменты.

Можно выделить следующие направления соответствующей работы: целенаправленные усилия в политической и военной областях, экономическое сотрудничество, помощь русскоязычной диаспоре, сохранение общего языкового пространства, развитие общего информационного пространства, включая такие его новые элементы, как русскоязычный интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском языке, формирование кадров руководящих работников и др. Целенаправленное влияние на центральноазиатские элиты по всем перечисленным выше направлениям будет способствовать созданию по периметру границ России пояса стабильности и безопасности, образованного дружественными нам государствами, большинство из которых мы могли бы рассматривать как своих стратегических союзников (например, в рамках новых евразийских интеграционных структур).

Для того чтобы развернуть в регионе «мягкую» или «умную силу», России необходимо упорядочение материальных и нематериальных инструментов влияния на региональные элиты Центральной Азии, выработка общего для всех российских государственных структур понимания направления применения этих инструментов. Все это невозможно сделать без выработки центральноазиатской доктрины или стратегии России.

Необходимо отметить, что в настоящее время у России отсутствует какая-либо центральноазиатская стратегия, и это приводит к росту противоречий между отдельными ведомствами (МИД, «силовые» и экономические министерства), структурами (бизнес, СМИ, НГО) и международными организациями (ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ), которые занимаются разработкой и реализацией соответствующей политики России. Кроме того, комплексный характер вызовов и угроз с территории региона Центральной Азии требует усиления координации позиций всех этих игроков, выработки ими представлений о том, в чем заключаются наши национальные интересы. Это относится и к месту России в социально-экономических процессах в Центральной Азии, где также существуют негативные тенденции (прогрессирующая потеря нашей доли на центральноазиатских рынках, утрата контроля над путями транспортировки углеводородов, хаотический характер трудовой миграции и ремиссии средств от нее).

В связи с этим необходимыми становятся выработка доктринального документа по политике в регионе (например, такого рода документ уже сформулирован ЕС¹)

¹ Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства: г. Брюссель, 1 июня 2007 г., SN 2907/07 / Совет Европейского союза, Генеральный секретариат // Бюро по правам человека и соблюдению законности [Электронный ресурс]. URL: hrt.tj/downloads/ES%20i%20cental%20asia.doc

и создание механизма стратегической координации позиций разных структур в общегосударственных интересах, например, в рамках Администрации президента России. Затем уже конкретные моменты координации российского влияния может решать Россотрудничество. Однако следует понимать, что Россотрудничество не может подменить стратегическое руководство, потому что эта структура по определению не сможет оказывать влияние на политику мощных экономических и «силовых» ведомств, а также влиятельных бизнес-структур типа «Газпрома» и Лукойла.

По содержанию данная стратегия должна ориентироваться на китайский образец, как наиболее прагматичный и приведший в Центральной Азии к наиболее очевидным позитивным результатам в плане продвижения собственных интересов. Кроме того, это будет способствовать развитию российско-китайского партнерства в регионе. Соответствующая стратегия должна включать как страновую часть (по каждой из 5 стран региона), так и трансграничную (водно-энергетические, миграционные проблемы, противодействие новым и нетрадиционным угрозам и вызовам безопасности).

Нужно совершенствовать механизмы оказания помощи **русскоязычной диаспоре** в странах Центральной Азии. Это является еще одной ключевой опорой для распространения влияния России на центральноазиатские элиты. За последние несколько лет достигнут определенный позитивный опыт в этом направлении, в частности, через «Русский мир». Внимание государства к этой проблематике не должно снижаться, более того, желательно последовательно его повышать.

Продолжается сокращение нетитульного русскоязычного населения в государствах Центральной Азии ввиду естественной убыли, продолжающейся эмиграции, воссоединения с ранее мигрировавшими членами семей, а также из-за продолжающейся политики этнизации общества и государств. Сегодня среди русскоязычных преобладают либо пенсионеры, либо те, кто не уехал, но уже — в разной степени — интегрированы в общества стран проживания. Их успешность, при обязательном условии знания государственного языка страны постоянного проживания, будет напрямую зависеть от качества их человеческого капитала. Именно на этот параметр и должны быть направлены усилия государственных структур типа «Россотрудничества» и общественных типа «Русский мир».

Влияние России через этих людей на центральноазиатские элиты никогда не будет прямым, но и косвенное влияние вполне можно использовать. Политические партии и движения по национальному признаку в государствах ЦА в обозримый период создавать не дадут, да и нет смысла. Но сегодня практически все партии в Казахстане и Кыргызстане имеют в своих выборных списках русскую квоту (приблизительно равную доле русских, проживающих в стране), а в программах — разделы, ориентированные на русскоязычный электорат и людей, ностальгирующих по модели СССР. Этот социальный капитал ждет поддержки и конвертации в другие формы капитала (политический, экономический). В этом плане приоритетом при поддержке оставшихся русскоязычных должна стать политика увеличения их образовательного и социального капитала, использование их как посредников для российского бизнеса и других проектов в регионе [1]. Образцом в этом плане может служить политика по использованию потенциала диаспор в Центральной Азии Южной Кореей и Израилем.

Следует также изменить саму концепцию работы с русскоязычными гражданами в Центральной Азии. «После распада СССР Россия уделяла особое внимание правам соотечественников, оказавшихся в новых независимых государствах». Такой подход был совершенно оправдан, скажем, в государствах Балтии, входящих в ЕС (или бывших ранее кандидатами в члены ЕС) и, соответственно, являющихся (или строивших), согласно официальной доктрине, правовыми и демократическими государствами. «Однако эффективность этой политики в ЦА невысока, поскольку политические режимы этих государств и сама общественная атмосфера не остав-

ляют достаточно места для развертывания здесь пророссийских НКО. Пока что у нас нет положительных примеров использования диаспорального ресурса за рубежом в продвижении российских интересов. Очевидно, что редееющие диаспоры соотечественников должны использоваться более осторожно, с непременным учетом специфики страны пребывания» [3]. Очевидно, с учетом вышесказанного, что упор с поддержки прав соотечественников в Центральной Азии нужно сместить на поддержку самих соотечественников, увеличение их социального, культурного, образовательного капитала, помощь им в реализации разного рода проектов и т. п. В частности, одним из основных приоритетов Российского государства в плане поддержки оставшихся русскоязычных (да и для владеющих русским языком представителей центральноазиатского среднего класса) может служить учебная миграция. В этом плане актуальными являются усилия Россотрудничества по поддержке этой миграции.

Компонент русскоязычных мигрантов, переселяющихся на постоянное место жительства (ПМЖ) на родину, в настоящее время практически исчерпан. В России ежегодный миграционный прирост на ПМЖ в 200–300 тыс. чел. закреплен в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.¹ и должен быть наполовину обеспечен за счет модернизации Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Однако справедливо отметить, что данная цифра легко достигается и без усилий по линии госпрограммы. В течение всего периода реализации государственной программы в Россию прибыло 62 590 участников программы с членами семей, из них в 2011 г. — 31 459 чел. При этом действенность госпрограммы всегда вызывала большие сомнения, так как абсолютному большинству русскоязычных мигрантов пришлось устраиваться в России абсолютно без государственного содействия². Нужно удвоить усилия по помощи оставшимся в регионе русскоязычным, желающим покинуть Центральную Азию. Это может быть важно не только в плане гуманитарных обязательств нашего государства перед соотечественниками, но и в плане того, что приезжающие в Россию русские мигранты могут быть естественным «мостом» между российскими и центральноазиатскими элитами. В этом плане нужно усилить политику по трудоустройству этих людей, пытаться комплектовать бизнес- и государственные структуры, работающие в Центральной Азии, именно из этих людей. Дело в том, что наработка понимания культурной специфики центральноазиатских элит для не выходцев из региона очень тяжела, она требует многих лет целенаправленного изучения. Между тем, русскоязычные выходцы из Центральной Азии хорошо понимают проблемы этого региона просто потому, что они там выросли.

Необходимо уделять значительное внимание формированию кадров руководящих работников. Это является одним из основных механизмов продвижения влияния Российского государства на центральноазиатские элиты. Например, существенная часть военных элит ряда африканских стран была подготовлена в бывшем СССР. До сих пор эти люди являются резервом нашего влияния в Африке. Военные элиты и сотрудники правоохранительных структур стран ОДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) также проходят подготовку в российских вузах, и это не может не привести к росту нашего влияния на ближнее зарубежье. Однако работа с этими кадрами должна быть последовательной и систематической, с ними должны постоянно поддерживаться контакты на «сетевом» уровне. Примером здесь может служить политика США по развитию контактов с военными кадрами в Ла-

¹ Принята Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.2007 г.

² Выступление Президента организации «Наследие Евразии» Е.Б. Яценко на семинаре Российского совета по международным делам «Интересы России в контексте проблем безопасности и развития Центральной Азии и Афганистана», 2011 г.

тинской Америке и в таких азиатских странах, как Пакистан или Южная Корея, а также работа по переподготовке кадров структур, типа Маршалловского европейского центра изучения проблем безопасности (совместный американско-германский, расположен в ФРГ). Развитие образовательных контактов с центральноазиатскими элитами необходимо и по экономической линии, например, по линии ЕврАзЭС, Таможенного союза, Единого экономического пространства и т. п. Сейчас это практически отсутствует.

Престиж русского языка связан с престижностью **образования на русском** во многих бывших советских республиках еще в недавнем прошлом. В частности, в центральноазиатских государствах представители местных элит еще в 1980-е — начале 1990-х гг. с удовольствием отправляли детей именно в русские школы. До сих пор в этих государствах образование на русском языке является достаточно престижным, что проявляется, в частности, в больших конкурсах на поступление в русские школы и филиалы российских вузов. Многие представители постсоветских государств и в настоящее время проходят обучение в российских вузах, например, по различным межправительственным соглашениям. Развитие общего образовательного пространства с постсоветскими государствами должно быть одним из основных приоритетов нашей работы в СНГ и ЕврАзЭС.

Традиционно Россия ограничивает себя в Центральной Азии только взаимодействием с государственными структурами, т. е. с официальной правящей элитой, не затрагивая ни гражданское общество, ни нижние этажи правящей элиты, ни контролитные группы. Лишь в последнее время, например, в рамках таких организаций, как «Русский мир», она двинулась в сторону взаимодействия с гражданским обществом. В результате Россия постоянно оказывается зависимой от имеющейся в том или ином центральноазиатском государстве официальной политической элиты (причем ее верхних этажей). Россия недостаточно работает даже со вторым и третьим эшелонами власти в соответствующих государствах. Москва практически никогда не имеет альтернатив правящей элите и не поддерживает контактов с контрэлитными группами, даже если правящая элита проводит откровенно антироссийскую политику. Этим Москва лишает себя страховки на случай внезапной смены высшего руководства и теряет перспективных союзников среди сторонников модернизации и политических перемен. В то же время США традиционно налаживают отношения одновременно с правящими элитами и с гражданским обществом, которое воспринимается американцами как потенциальная альтернативная, или контрэлита. Соответственно, и контрэлитные группы часто ориентируются на американскую поддержку, даже если они зачастую по содержанию своих взглядов отнюдь не являются либерально-западническими.

В 2015–2025 гг. ожидается смена поколений центральноазиатской элиты и среднего класса, произойдут качественные изменения, связанные с уходом когорты населения, получившего образование и профессиональный опыт во времена СССР. Им на смену придет национально ориентированная молодежь, получившая образование в период идеологизации и пересмотра истории ННГ в духе антирусских и антироссийских стереотипов (особенно развитых в Туркменистане и Узбекистане).

В этой связи огромную роль в контексте сохранения единого информационного и языкового пространства между Россией и Центральной Азией могут сыграть молодежные контакты. Москве в этой связи желательно разработать долгосрочную целевую программу поддержки молодежи из стран Центральной Азии, например «путем обеспечения им различного рода бесплатных стажировок, организации спортивных соревнований, фестивалей» [3] и т. д.

«Попытки лидеров государств ЦА „увековечить“ свое руководящее положение осуществляются с помощью различного рода ухищрений — постоянных досрочных выборов, смены титула и т. п. Между тем в условиях полного нежелания властей

идти на какие-либо контакты с представителями активно создававшегося здесь при поддержке США и Евросоюза гражданского общества все это способно лишь ненадолго отсрочить смену власти. Большинство представителей новой элиты — перспективных политических деятелей — сформировано не в России и уже прошло „обкатку“ в условиях „оранжевых революций“, в том числе и на киргизской земле» [3].

В связи со всем вышесказанным России необходимо разработать эффективные подходы к работе с новым поколением центральноазиатских элит, а также с гражданским обществом, элитами второго и третьего уровня и контрэлитными группами. Дополнительно Москвой для Центральной Азии «должен быть сформирован новый проект, предлагающий ... комплексное решение по развитию этих государств, включая защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и инфраструктуре, интеграцию в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит и гуманитарное развитие с последующим решением архисложной задачи создания новой идентичности (например, в рамках формирования анонсированного Евразийского союза). Если эта задача решена не будет, то высока вероятность, что в странах ЦА завершится двухвековой период идеологической, экономической, культурной и политической региональной экспансии России»¹.

В целом, комплексная задача по продвижению «мягкой силы» России в Центральной Азии принимает в настоящее время совершенно новое измерение. В Центральной Азии располагаются два из пяти государств — членов ЕАЭС (Казахстан и Кыргызстан). Недавнее вступление Кыргызстана в ЕАЭС и возможное вступление Таджикистана показывают, что именно это направление развития евразийской интеграции в настоящее время является весьма актуальным и наиболее перспективным. Усиление «мягкой силы» России в регионе является органичной частью развития процесса евразийской интеграции в нем. Кроме того, усиление «мягкой силы» как формы влияния, способствующей продвижению интеграционной структуры, как мы показали в начале статьи, полностью соответствует современным тенденциям мировой политики.

В заключение следует отметить, что комплексная задача развития «мягкой силы» России в Центральной Азии может включать в себя на нынешнем этапе следующие компоненты: выработку всеобщей стратегии действий в Центральной Азии, обеспечивающей взаимодействие «мягкой силы» с другими ее компонентами, преодоление ряда органических недостатков «мягкой силы» России, прежде всего в сфере выработки эффективного модуса взаимодействия государства и организаций гражданского общества, развитие привлекательного модернизационного проекта, стоящего за «мягкой силой» России, целенаправленные усилия в политической и военной областях, экономическое сотрудничество, помощь русскоязычной диаспоре, сохранение общего языкового пространства, развитие общего информационного пространства, включая такие его новые элементы, как русскоязычный интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском языке, формирование кадров руководящих работников.

Литература

1. Казанцев А. А., Синегубов А. Л., Чернявский С. И. / «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности ее использования в Центральной Азии / под общ. ред. А. А. Орлова и А. А. Казанцева // Ежегодник ИМИ, 2014. Вып. 1(7). Постсоветская Центральная Азия:

¹ Выступление Президента организации «Наследие Евразии» Е.Б. Яценко на семинаре Российского совета по международным делам «Интересы России в контексте проблем безопасности и развития Центральной Азии и Афганистана», 2011 г.

интересы внешних игроков и внутренняя динамика развития. М. : МГИМО-Университет, 2014. С. 70–89.

2. Соловьев Э. Г. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // *Международная жизнь*. № 8. 2011.
3. Чернявский С. Мягкая сила России в Центральной Азии. Записка. М. : МГИМО, 2012 г.
4. Grewal David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven, CT : Yale University Press, 2008.
5. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York : Basic Books, 1990.
6. Nye J. *The power of persuasion: Dual components of US leadership*. The conversation with J. Nye. *Harvard international review*. Harvard : 2003. Winter. P. 46.

References

1. Kazantsev A. A., Sinegubov A. L., Chernyavsky S. I. (under a general edition of A. A. Orlov and A. A. Kazantsev) *«The soft force» of Russia in the new millennium and possibility of its use in Central Asia* [«Myagkaya sila» Rossii v novom tysyacheletii i vozmozhnosti ee ispol'zovaniya v Tsentral'noi Azii] // *Year-book of Foreign researches Institute* [Ezhegodnik IMI] 2014. V. 1 (7). Post-Soviet Central Asia: interests of external players and internal dynamics of development [Postsovetskaya Tsentral'naya Aziya: interesy vneshnikh igrokov i vnutrennyaya dinamika razvitiya]. М. : MGIMO University, 2014. P. 70–89. (rus)
2. Solovyov E. G. *Humanitarian measurement of «the soft force»: «human safety» in foreign policy of the Russian Federation* [Gumanitarnoe izmerenie «myagkoi sily»: «chelovecheskaya bezopasnost'» vo vneshnei politike RF] // *International life* [Mezhdunarodnaya zhizn']. N 8. 2011. (rus)
3. Chernyavsky S. *The soft force of Russia in Central Asia. A note* [Myagkaya sila Rossii v Tsentral'noi Azii. Zapiska]. М. : МГИМО, 2012. (rus)
4. Grewal David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven, CT : Yale University Press, 2008.
5. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York : Basic Books, 1990.
6. Nye J. *The power of persuasion: Dual components of US leadership*. The conversation with J. Nye. *Harvard international review*. Harvard : 2003. Winter. P. 46.